

Глава XII

ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

В 30-е годы научные связи между советскими и зарубежными этнографами не прерывались. Осенью 1930 г. в Москву приехал Рой Франклин Бартон (R.F. Barton, 1883–1947), специалист по этнографии народов Филиппин. Планировалось, что в течение года он проведет полевые исследования среди народов района Амура на грант фонда Гуттенгейма. После прибытия Р.Ф. Бартона в Ленинград 1 января 1931 г. выяснилось, что ему отказали в финансировании. Отметим, что в то время Р.Ф. Бартон не знал русского языка, поэтому непонятно каким образом он собирался проводить исследования среди народов района Амура. Р.Ф. Бартона приняли на работу в МАЭ, где в период с 1931 по 1940 г. он занимался изучением народов Филиппин [Станюкович 1979: 76–83; Stanyukovich 2004: 34–49]. В 1932 г. Советский Союз вторично посетил Л.А. Уайт. Тогда же в Москве и, вероятно, в Ленинграде побывал Бернард Стерн (B.J. Stern, 1894–1956). В 1932–1937 гг. проходил обучение в аспирантуре МАЭ индеец не-персе Арчибальд Финней (A. Phinney, 1904–?). В 1937 г. он защитил кандидатскую диссертацию. Перед отъездом на родину А. Финней передал в МАЭ небольшое собрание одежды и домашней утвари (№ 5518, 5519). Также в 30-е годы музей посещали американцы Карлтон Кун, Евгений Голомшток, Эммануэль Гоник, Альфред Хадсон, Элизабет Бэкон, Мэри Киссель, Алеш Хрдличка. В тот период многие международные проекты по американистике были направлены на изучение этногенеза эскимосов и проблемы первоначального заселения Америки.

Советско-датские научные связи

В течение длительного времени В.Г. Богораз поддерживал переписку с датскими исследователями В. Тальбицером и К. Биркет-Смитом. В 1933 г. он получил от В. Тальбицера фотоколек-

цию по эскимосам Восточной Гренландии, населявшим побережье залива Ангмагссалик. Эти эскимосы очень поздно попали под влияние европейцев и, соответственно, дольше других сохраняли многие черты традиционной культуры. Датская колонизация района Ангмагссалик началась только в 1894 г., тогда же сюда впервые прибыл В. Тальбицер. Он начал по-настоящему научное изучение эскимосов Восточной Гренландии. Фотографии, посланные им в МАЭ, были сделаны в 1905–1906 гг. (№ И-55).

В 30-е годы датским, американским и советским ученым было понятно, что для изучения проблемы этногенеза эскимосов требуется либо совместная работа, либо скоординированные археологические, антропологические и этнографические исследования по обе стороны Берингова пролива. В.Г. Богораз писал: «В области археологии эту необходимость кооперированных усилий подчеркивают американские и датские археологи с Алесем Грдличкой и Кай Биркет-Смитом во главе. Они предлагают согласовать работу СССР и американских изысканий, причем для них стало ясно, что ключ к разрешению ряда важнейших проблем (этногенеза народов Америки. — С.К.) лежит в Евразии, в пределах СССР» [Богораз 1936: 195].

Для К. Биркет-Смита на первом месте всегда стояла наука, а не политика, он устанавливал деловые отношения со специалистами из разных стран, которые хоть как-то могли ему помочь в изучении проблемы этногенеза эскимосов. В 1935 г. К. Биркет-Смит находился в фашистской Германии, где изучал коллекции по эскимосам в Музее народоведения Берлина. После 1928 г. В.Г. Богораз и К. Биркет-Смит не встречались, но состояли в деловой переписке. Благодаря их усилиям в 1936 г. удалось организовать командировку для А.С. Форштейна в Национальный музей Дании, где он работал с конца апреля до начала августа. В Копенгагене он изучал коллекции по эскимосам, сотрудничал с В. Тальбицером, К. Биркет-Смитом, Л. Хаммерих (L. Hammerich, 1892–1975), переписывался с В.И. Иохельсоном и Ф. Боасом [Крупник, Михайлова 2006: 191; Krupnik 1998: 213–214]. А.С. Форштейн передал в НМД коллекцию рисунков азиатских эскимосов и вещи из своих сборов. Его попытки принять участие в длительной датской экспедиции в Гренландию или уехать из Дании в США не увенчались успехом. Для К. Биркет-Смита он был интересен как советский коллега, который в будущем сможет провести археологиче-

ские раскопки на Чукотке. После возвращения из Дании в отдел Америки от А.С. Форштейна поступили фотографии экспонатов НМД. В 1937 г. в качестве ответного дара за коллекцию А.С. Форштейна МАЭ получил археологическую коллекцию из 123 предметов, собранную участниками шестой экспедиции Туле К. Расмуссена в 1931–1933 гг. в Восточной и Западной Гренландии (№ 5526).

После кончины В.Г. Богораза А.С. Форштейн работал над проектом «История техники народностей арктической Евразии и Америки». Он писал: «Выставка должна выявить отдельные этапы в развитии приморского охотничьего хозяйства, от его наиболее ранних форм, известных лишь по ряду археологических находок (раскопки Грдлички, Коллинза и др.), до его современных форм, продолжающих бытовать у целого ряда приморских арктических и отчасти субарктических народностей Евразии и Америки. Как то: у эскимосов, алеутов, приморских коряков и чукчей, а также как параллельный тип у гиляков и отчасти у самоедов (ненцев), тлинкитов и др.

В своем экспозиционном плане выставка должна выделить как отдельные этапы в развитии арктического приморского хозяйства: 1) так наз. “протоэскимосскую культуру”, соответствующую раннему неолиту, 2) так наз. “культуру Туле”, соответствующую позднему и пережиточному неолиту, и 3) технику современного охотничьего приморского хозяйства, соответствующую периоду европейского влияния. <...> Одновременно выставка не должна обойти (вниманием. — С.К.) имеющиеся параллели между техникой данного (арктического. — С.К.) хозяйственного типа и техникой “мадлена”, как косвенно связывающей первую с палеолитом» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 8. № 131. Л. 1].

А.С. Форштейн не успел завершить работу по созданию этой выставки. В мае 1937 г. его арестовали по обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевской шпионско-террористической организации», якобы существовавшей в ИНС, и приговорили к десяти годам лагерей, после освобождения научной деятельностью он не занимался¹. Арест А.С. Форштейна наглядно показал, что сотруд-

¹ А.С. Форштейн был осужден 8 января 1938 г. Военным трибуналом Ленинградского военного округа по статьям 58-б, 19-58, 58-11 УК РСФСР. Приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Решением Военной

ник музея, побывавший за границей, автоматически зачислялся в «шпионы». После его ареста деловые отношения датских ученых с советскими коллегами были резко прерваны. Чтобы установить новые контакты, К. Биркет-Смит отправил в журнал «Советская этнография» информационное сообщение о II МКАЭН, который планировали провести в Копенгагене. В редакционной заметке, опубликованной вместе с программой этого конгресса, сказано: «Генеральный секретарь датского организационного комитета Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Копенгагене, доктор Кай Биркет-Смит просит нас напечатать программу о второй сессии конгресса, которая состоится 1–6 августа 1938 г. Охотно исполняем эту просьбу» [Вторая сессия 1937: 213]. В 1937–1938 гг. А.В. Мачинский работал над статьей «Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове». Возможно, он готовил эту статью как доклад для II МКАЭН. Ее тема не связана с научными интересами А.В. Мачинского, но напрямую связана с проблемой этногенеза эскимосов. Однако ни А.В. Мачинский, ни кто-либо другой из советских ученых в Данию не поехал.

Президентом II МКАЭН избрали директора НМД Томаса Томсена (Т. Thomsen), вице-президентом стал американский археолог Генри Коллинз (Н.В. Collins, 1899–1987), ученик А. Хрдлички. Этнографическую секцию возглавил Г. Хатт, который был активным сторонником фашизма, поэтому после Второй мировой войны его имя надолго вычеркнули из науки. Как упоминалось, по результатам изучения меховой одежды народов Арктики, в том числе из собрания МАЭ, Г. Хатт в 1914 г. издал монографию на датском языке, на английский язык ее перевели только в 1969 г.

коллегии Верховного суда СССР расстрел заменен десятью годами лишения свободы. Начало срока — 20 мая 1937 г., после осуждения был отправлен на Колыму, куда прибыл 28 октября 1938 г. Отбывал срок заключения в Дорожном лагере Южного горнопромышленного управления, был вторично обвинен в антисоветской агитации и подготовке к побегу. Дело было прекращено за недостатком улик. 20 ноября 1942 г. А.С. Форштейна перевели в Тенькинский лагерь, а 3 июля 1946 г. — в Магаданский лагерь. Освобожден 20 мая 1947 г. [Издания 2008: 58–59]. После освобождения он изменил фамилию Форштейн на Маралов и поселился в Ташкенте, где работал ведущим специалистом в области строительства. В 60-е годы установил переписку с Г.А. Меновщиковым, который в 1932–1934 гг. был школьным учителем в эскимосском поселке Сиреники.

М.Г. Левин опубликовал информационное сообщение об итогах работы II МКАЭН: «...Надо назвать доклад известного канадского исследователя д-ра Дженнесса (Оттава) “Доисторические культурные волны из Азии в Америку”. Основываясь на непрерывности культурных остатков в районе Берингова моря, автор считал, что все движения из Азии в Америку за последние 2000 лет связаны исключительно с эскимосами. Проникнув из Азии, эскимосы частью осели вокруг Берингова моря, частью распространились в центральной Канаде. Восточные эскимосы раскололись на две группы: группу эскимосов карибу и другую, развившую культуру Дорсет, которая достигла Гренландии. <...> Существенным дополнением к докладу Дженнесса явилось сообщение Генри Коллинза (Вашингтон), известного своими археологическими работами на острове св. Лаврентия. Доклад его касался вопроса о происхождении и связях древней культуры Берингова моря. В результате раскопок в Северной Канаде, Аляске и Гренландии наиболее древней можно считать культуру Берингова моря, давшую на острове св. Лаврентия начало культуре Пунук, обнаруживающей сильное сибирское влияние» [Левин 1947: 340].

В конце 1930-х годов собственно этнографические исследования в районе Берингова пролива отошли на второй план в работе датских и американских исследователей. Датских ученых прежде всего интересовали археологические, а не этнографические исследования. В 1938 г. для американских и азиатских эскимосов официально открыли границу, и они могли свободно посещать своих родственников как в США, так и в СССР. Впрочем, и до 1938 г. эскимосы по обе стороны Берингова пролива посещали друг друга [Из Америки 1937; Зингер 1938: 96]. Вновь границу закрыли в 1948 г. [Krauss 1994: 368–369]. В то время большая часть эскимосов Малых Диомид (остров Крузенштерна, США) — 80 из 115 жителей — происходила с Больших Диомид (остров Ратманова, СССР) и формально была советскими гражданами [Golovko, Schweitzer 2004: 105].

Проект археологической экспедиции Ф.Г. Рейни

В апреле 1938 г. Москву посетил археолог, профессор Университета штата Аляска Фройлих Глэдстоун Рейни (F.G. Rainey, 1907–1992). Он встретился с президентом Академии наук СССР

Владимиром Леонтьевичем Комаровым (1869–1945) — коллегой В.И. Иохельсона по Камчатской экспедиции 1908–1911 гг.

Приведем цитату из письма Ф.Г. Рейни от 9 апреля 1938 г. академику В.Л. Комарову: «1. Я хотел бы получить возможность провести одну неделю в мае в Иркутске с тем, чтобы изучить коллекцию археологического материала, который был недавно найден при раскопках в районе озера Байкал, и иметь возможность обсудить некоторые вопросы с местными научными работниками. 2. Из Иркутска я хотел бы поехать через Владивосток, морем в Сев. Сибирь — для исследования местоположения старых эскимосских поселений (деревень на берегу мыса Чукотки и в окрестностях Уэлена и мыса Дежнева, в течение июня–августа). Для выполнения этой второй задачи я хотел бы, чтобы меня присоединили к какой-либо научной экспедиции, работающей в районе Берингова пролива, или, если не представится такой возможности, дать мне в сопровождение научного работника из Института материальной культуры или из Института антропологии (МГУ), который был бы заинтересован в археологических раскопках в Сев. Сибири.

Цели исследования: 1. Сравнение археологического материала района оз. Байкала с материалом, найденным в центральной Аляске Университетом Аляски (напечатанный отчет заставляет предположить о прямом культурном родстве между этими двумя областями). 2. Сравнить старые эскимосские поселения и орудия, найденные на сибирских берегах Берингова моря, в окрестностях Чукотского мыса и мыса Дежнева, с теми исследованиями, которые были проведены Университетом Аляски на острове Св. Лаврентия.

В дополнение к этим специальным задачам, я надеюсь, что с помощью моего посещения Советского Союза и данных исследовательской работы — организовать начало совместной исследовательской работы на берегу Берингова моря, Университетом Аляски с одним из университетов СССР, заинтересованных в археологических исследованиях в Сев. Сибири. Этот район нас интересует с точки зрения разрешения вопросов происхождения индейцев и эскимосов Аляски. Обе расы, мы предполагаем, эмигрировали из Азии в Америку через Берингов пролив. Разрешение проблемы о происхождении и переселении этих народов должно зависеть главным образом от исследовательской работы сов. ин-

ституты и их сотрудничества с исследователями Аляски. <...>» [АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 31. Л. 5–6].

В ответ на это обращение Ф.Г. Рейни предоставили возможность посетить Иркутск, но отказали в посещении района Берингова пролива, сославшись на то, что в 1938 г. АН не проводила полевые исследования в этом регионе. Интерес американских археологов к неолиту района Прибайкалья был вызван раскопками антрополога Михаила Михайловича Герасимова (1907–1970) стоянки Мальта и археолога А.П. Окладникова — стоянки Буреть, население которых жило в сходных экологических условиях, что и эскимосы Аляски.

В 1939 г. в Музей антропологии при МГУ в дар от Ф.Г. Рейни поступили две археологические коллекции — № 257 из 230 предметов и № 258 из 22 каменных орудий. Первая коллекция была получена при раскопках Отто Вильгельма Гейста (O.W. Geist) и Ф.Г. Рейни селения Кукулик на о. Св. Лаврентия в 1926–1928 и 1932–1935 гг. [Archaeological 1936]. Вторая — в городе Фэрбенкс при раскопках Н. Нельсона (N.C. Nelson, 1875–1964) и Ф.Г. Рейни в районе университетской фермы [Nelson 1937; Rainey 1939; Слободин 2003].

В конце 30-х годов проведение этнографических, антропологических и археологических исследований на Чукотке было актуально и для сотрудников МАЭ. В 1939 г. С.В. Иванов писал: «Экспедиция на Крайний Север имеет колоссальное значение не только для специалистов-палеоазиатов, но и международное значение в связи с проблемой происхождения американского человека, проблемой, которой уделяют очень большое внимание американские этнографы, неоднократно писавшие и самому Влад. Герм. (В.Г. Богоразу. — С.К.), и дирекции института о желательности увязки этой работы с работой американцев» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 3. № 13. Л. 113–113 об.].

В то время организация комплексной экспедиции на Чукотку силами сотрудников МАЭ была связана с объективными трудностями. Музей не только не располагал необходимым финансированием для широкомасштабной экспедиции, но и не имел в своем штате археологов и антропологов, готовых в течение нескольких месяцев проводить полевые исследования в арктических районах Сибири. Для такой работы требовались молодые здоровые мужчины. Как отмечалось, в 1937 г. Институт антропологии,

археологии и этнографии реорганизовали в Институт этнографии и отделили от МАЭ. В связи с этими преобразованиями нескольких археологов и антропологов уволили по сокращению штата. Задача по проведению комплексных исследований на Чукотке была столь масштабной, что для ее решения требовалась совместная работа нескольких научных учреждений. Нельзя сказать, что сотрудники МАЭ устранились от изучения проблемы этногенеза эскимосов, А.В. Мачинский и М.В. Степанова начали разработку этой темы, Н.Б. Шнакенбург готовил диссертацию по азиатским эскимосам. Однако датские и американские исследователи ждали конкретных результатов археологических раскопок на Чукотке.

Вклад А. Хрдлички в советско-американское сотрудничество

О попытках А. Хрдлички провести полевые исследования в Сибири и его деловых отношениях с В.Г. Богоразом уже говорилось. А. Хрдличка состоял в переписке со многими советскими коллегами: Марком Соломоновичем Плисецким (1891–1957), Николаем Александровичем Синельниковым (1885–1941), Георгием Францевичем Дебецем (1905–1969) и др. Особенно плодотворные отношения он установил с археологом Александром Михайловичем Золотаревым (1907–1943), который неоднократно публиковал рецензии на книги американских исследователей и обзоры советской литературы по антропологии и археологии, например «Исторические предпосылки формирования *Homo sapiens* в освещении советских археологов» [Золотарев 1936]. Говоря об этой статье, О.Ю. Артемова отметила: «В ней он <...> пишет о значении культурных заимствований, миграции и роли географической среды и климатического фактора, а также о необходимости пристального изучения всего этого при построении теории ранней социальной эволюции, то есть по существу отказывается от прежнего резкого и идеологически окрашенного неприятия диффузионизма и антропогеографии» [Артемова 2003: 215–216]. Вышеуказанную статью А.М. Золотарев написал в расчете на то, что ее прочитают А. Хрдличка, В.И. Йохельсон, Е. Голомшток и сотрудники других зарубежных учреждений, в библиотеки которых поступал «Антропологический журнал». Интересно отметить, что в 30-е годы в названии этого журнала не появилось добавления «советский».

В 1936 г. А.М. Золотарев и Г.Ф. Дебец опубликовали рецензию на работу А. Хрдлички «Происхождение американского человека» [Золотарев, Дебец 1936]. В первом номере «Антропологического журнала» за 1937 г. напечатали три статьи по вопросам, интересующим А. Хрдличку: А.М. Золотарева «К вопросу о происхождении эскимосов» [Золотарев 1937: 47–56], Т.Я. Токаревой «Материалы по краниологии алеутов» [Токарева 1937: 57–71] и М.Г. Левина «Краниологический тип ульчей (нани)» [Левин 1937: 82–90]. Тогда же в США издали статью А.М. Золотарева о медвежьем празднике ульчей [Zolotarev 1937]. В настоящее время интерес к ульчам в связи с проблемой этногенеза эскимосов может показаться странным, поэтому приведем доводы А.М. Золотарева в пользу древних связей предков эскимосов и народов Амура. Выступая в 1940 г. в прениях на совещании по этногенезу народов Севера, он сказал: «Древнейшей формой культуры Севера, общей для территории Сев. Азии, Америки и, в известной мере, Европы, является культура зимних рыбаков. На основе этой культуры <...> возникает культура ороцкого типа, культура таежных охотников. На берегах Амура на том же основании создается гилякский тип, на Крайнем Севере — эскимосский» [Обзор прений 1941: 132].

В 1938 г. А.М. Золотарев опубликовал статью «Из истории этнического взаимодействия на северо-востоке Азии» [Золотарев 1938] и еще одну статью в США — «Древние культуры северной Азии» [Zolotarev 1938]. Кроме этих публикаций, в архиве ИЭА в Москве хранятся две объемные неопубликованные рукописи А.М. Золотарева: «Из истории материальной культуры на севере Америки и Азии» и «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии и севере Америки» [Артемова 2003: 214, 222]. О последней рукописи О.Ю. Артемова сообщает: «Она, очевидно, является итогом его изысканий в области древней и доколониальной этнической истории и эволюции хозяйства народов Сибири и Северной Америки. В ней <...> вводится понятие “хозяйственный тип”, <...> а также выделяется целый ряд хозяйственных типов охотников и оленеводов северо-востока Азии и охотников севера Америки» [Там же: 214].

А. Хрдличка считал, что один из путей заселения Америки проходил через Командорские и Алеутские острова. В 1936–1938 гг. он проводил археологические исследования на Алеутских островах и имел в своем распоряжении судно. С борта судна

А. Хрдличка отправил радиограмму в советское посольство в Вашингтоне, где просил разрешения на посещение Командорских островов. Советский Союз придерживался соглашения о международном судоходстве, поэтому 6 июля 1937 г. А. Хрдличка получил ответную радиограмму с разрешением посетить Командорские острова. 7 июля судно взяло курс на Командорские острова, капитан предлагал зайти на Уналашку для пополнения топлива, но А. Хрдличка надеялся, что его запасы можно будет пополнить на Командорах. 11 числа они подошли к острову Беринга, 12-го сошли на берег. Из «документов» у А. Хрдлички была только копия радиограммы из советского посольства в Вашингтоне, поэтому местные власти потребовали, чтобы американцы вернулись на судно. 14 июля пришло подтверждение из Москвы с разрешением американцам высадиться на берег. Полевые исследования А. Хрдлички продолжались два дня. Из-за недостатка топлива 16 июля судно вышло в обратное плавание [Hrdlička 1945: 277–287].

В письме администрации селения Никольского о. Беринга А. Хрдличка отметил: «Мы удивлены, видя обычную чистоплотность. Взрослые и дети выглядят здоровыми, опрятными. <...> Мы столкнулись с отсутствием всякого признака алкоголизма, всякой деморализации, отсутствием всякого различия между людьми различной окраски» (цит. по: [Антипов 1937: 83]). Археологическую разведку на Командорских островах А. Хрдличка смог провести только в августе следующего, 1938 г., когда в состав его отряда входил студент У.С. Лафлин. А. Хрдличка осмотрел береговые обрывы, отвалы склонов холмов, берега ручьев и сделал несколько пробных шурфов. Результат исследований оказался отрицательным, следов пребывания людей в древности на Командорских островах найти не удалось [Hrdlička 1945: 381–397].

Летом 1939 г. А. Хрдличка в пятый раз посетил Россию / Советский Союз, он побывал в Ленинграде, Москве и Иркутске, где изучал антропологические собрания советских музеев по народам северо-востока Азии. На заседании Ученого совета МАЭ/ИЭ А. Хрдличка выступил с докладом «Связь между Америкой и Азией с точки зрения антропологии и этнографии»: «14 июня А. Хрдличка прочел в Ленинграде в Институте этнографии Академии наук СССР специальный доклад о своих многолетних исследованиях. Археологические раскопки были начаты у берегов

р. Юкон, поскольку эту именно реку считали прежде дорогой, по которой пришли в Северную Америку древнейшие люди. Затем было произведено обследование всего побережья п-ова Аляски, вплоть до северного мыса Барроу, всех других больших рек американского севера и островов — Диомидовых, св. Лаврентия, Пунук, Нунивак, св. Михаила, наконец о. Кадьяка и Алеутских островов» [Доклад 1940: 256].

Председателем этого Ученого совета был академик В.В. Струве. Присутствовали: заведующий отделом Сибири Г.Н. Прокофьев и сотрудник его отдела Н.Б. Шнакенбург, археолог из ИИМК А.П. Окладников, сотрудник отдела Америки А.В. Мачинский, историк А.И. Андреев и в качестве переводчика сотрудник МАЭ, американец Р.Ф. Бартон. Н.Б. Шнакенбург в своем выступлении отметил: «Во время моего пребывания на Чукотском полуострове в 1937 г. я имел возможность наблюдать там целый ряд интересных мест. К сожалению, они до сих пор остаются неизвестными, но мы надеемся, что в скором времени они станут более известными. Из таких мест нужно назвать мыс Шмидта, где до настоящего времени имеются развалины подземных жилищ. По преданиям, записанным мною в 1932 г., здесь жил народ, который в результате столкновений с чукчами и оленеводами был, как говорит предание, разбит и ушел за море! Это были не кто иные, как эскимосы. <...>

Другим важным источником, с моей точки зрения, для решения проблемы эскимосов может быть топонимика. Дело в том, что эскимосские названия распространяются очень далеко на Запад, вплоть до Чаунской губы. И нужно указать на то, что эти эскимосские названия встречаются и в 300 километрах от последнего эскимосского селения» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 3. № 13. Л. 33—34].

А.П. Окладников рассказал о том, что во время археологических раскопок на полуострове Ямал, в районе города Салехард, «были найдены, как и в Северной Америке, замечательные художественные изделия из кости. А.В. Мачинский указал, что случайные находки на Чукотке во многом сходны с вещами, добытыми А. Хрдличкой при раскопках на о. Св. Лаврентия. А.И. Андреев и другие вспоминали имена многих русских ученых, которые начиная с XVIII в. работали и продолжают работать в наши дни по изучению древней культуры и древнейшего населения Сибири и Северной Америки: результаты их работ пока еще не все опубли-

кованы. <...> Собрание высказалось за скорейшую организацию комплексной археолого-этнографической экспедиции в Северо-Восточную Азию, результаты которой будут лучшим подарком советских ученых к предстоящему в 1942 г. 450-летию со дня открытия Америки Колумбом» [Окладников 1980: 170].

По результатам заседания запланировали опубликовать ряд источников по истории и этнографии народов Чукотки и Аляски, провести в МАЭ в октябре 1942 г. конференцию, посвященную 450-летию открытия Америки Х. Колумбом, и организовать полевые исследования на северо-востоке Азии. Работа по реализации этого проекта была начата немедленно. Уже в 1940 г. А.И. Андреев опубликовал рукопись книги участника Второй Камчатской экспедиции С. Вакселя, приобретенную Государственной Публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в конце 1938 г. [Ваксель 1940]. Н.Б. Шнакенбург в соавторстве с Ю. Бронштейн опубликовал сообщение о находке рукописи натуралиста К.Г. Мерка, участника экспедиции И.И. Биллингса — Г.И. Сарычева, содержащей ценные сведения по этнографии чукчей [Бронштейн, Шнакенбург 1941].

Что касается конференции, то планировалось, что к ее открытию сотрудники отдела Америки издадут иллюстрированный сборник с описанием наиболее ценных коллекций МАЭ по народам Русской Америки. Его подготовкой к печати в 1939–1941 гг. занимались С.А. Ратнер-Штернберг, М.В. Степанова и Е.Э. Бломквист, которая вспоминала, что С.А. Ратнер-Штернберг рассматривала изучение этнографии народов Русской Америки как собственную тему, но «сама не писала и нам не давала» [...твое письма 2013: 62].

После начала войны организационный комитет по проведению конференции создали при Объединенном ученом совете гуманитарных институтов АН, его заседания состоялись 13, 17, 24 апреля и 6 мая 1942 г. На заседаниях присутствовали: А.И. Андреев (председатель) от Института истории, Е.Э. Бломквист (секретарь) и М.В. Степанова от МАЭ, Н.Г. Шпринцин от Государственного Эрмитажа, С.И. Руденко от ИИМК и К.И. Шафрановский от БАН. 1 мая 1942 г. Е.Э. Бломквист назначили заведующей отделом Америки [Решетов 1995: 11]. В июне 1942 г. большую часть научных сотрудников МАЭ, в том числе Е.Э. Бломквист и М.В. Степанову, эвакуировали в Елабугу, а оттуда в Ташкент, поэтому конферен-

ция, посвященная 450-летию открытия Америки Х. Колумбом, так и не состоялась.

В то время если какое-либо задание было включено в план научной работы, то требовалось его безусловное выполнение. По сборнику материалов несостоявшейся конференции АН отчиталась сборником документов по истории Русской Америки, опубликованным А.И. Андреевым во время войны [Русские открытия 1944], позднее переведенным на английский язык [Russian Discoveries 1952]. В предисловии к сборнику А.И. Андреев писал: «Из большого количества вновь найденных или малоизвестных материалов представляется желательным некоторые теперь же издать и сделать предметом внимания всех интересующихся прошлым Русской Америки. Первой попыткой в этом направлении является предлагаемый сборник, подготовленный в связи с 450-летием открытия Америки Христофором Колумбом...» [Русские открытия 1944: 7].

А. Хрдличка скончался 5 сентября 1943 г. в возрасте 74 лет. В некрологе М.В. Степанова написала: «Русские и американские ученые не могут не взять на себя ответственность за продолжение в ближайшие десятилетия начатого им дела по изучению общих вопросов праистории Берингоморья и связанных с ним Северо-Восточной Сибири и северо-западной части Американского материка» [Степанова 1944: 282].

В апреле 1945 г. в московском отделении ИЭ состоялось заседание Ученого совета, посвященное памяти А. Хрдлички и Ф. Боаса, на котором выступила Ю.П. Аверкиева с сообщением «Франс Боас (1858–1942)» [Аверкиева 1946]. М.Г. Левин представил доклад «Алеш Грдличка: Жизнь и деятельность», в котором отметил: «В условиях военного времени Алеш Грдличка использует всякую возможность, чтобы снестись со своими коллегами в Советском Союзе, снабжает их научной информацией, литературой, поддерживает тесную связь со Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей. Отметим письмо А. Грдлички к советским антропологам. В этом письме он видит близкую победу объединенных наций над германским фашизмом и готовится снова посетить Советский Союз. Этим научным планам Грдлички не суждено было осуществиться. Смерть прервала кипучую деятельность ученого. Эта утрата особенно ощутима сейчас, когда между учеными СССР и США крепнут узы научного сотрудничества» [Левин 1946: 101].

Участники этого заседания Ученого совета решили посвятить второй том новой серии «Трудов Института этнографии» памяти А. Хрдлички и Ф. Боаса — ему дали название «Сборник памяти А. Грдлички и Ф. Боаса». В 1947 г. второй том «Трудов Института этнографии» опубликовали, но уже без вышеупомянутого названия и без посвящения американским ученым [Труды 1947]. К сожалению, «узы научного сотрудничества» оказались непрочными.

Совещание по этногенезу народов Севера

Неоднократные обращения А. Хрдлички, Ф.Г. Рейни и К. Биркет-Смита к руководству МАЭ и в Президиум Академии наук в конечном счете привели к положительному результату. В конце 1930-х годов К. Биркет-Смиту удалось заключить предварительное соглашение с руководством АН о создании датско-советского Международного комитета по изучению археологии, этнографии и антропологии Арктики и Субарктики.

Еще в 1936 г. в связи с подготовкой многотомного труда «История СССР» советские историки поставили вопрос о необходимости изучения этногенеза восточных славян. Причиной проведения этногенетических исследований по народам Советского Союза было усиление идеологической борьбы с фашистской Германией. В 30-е годы немецкие антропологи активно разрабатывали теорию арийской расы, в частности, пытались обосновать превосходство германцев над славянами с древнейших времен. Поэтому перед отечественными историками стояла задача аргументированно, на основе комплексного использования источников доказать несостоятельность норманнской теории возникновения Древнерусского государства. Для координации этногенетических исследований в 1939 г. при отделении истории и философии Академии наук в Москве создали Комиссию по этногенезу под председательством члена-корреспондента, специалиста по древнерусской истории Александра Дмитриевича Удальцова (1883–1958). Таким образом, инициатива по изучению проблемы этногенеза народов СССР, в том числе и азиатских эскимосов, перешла к московским историкам, антропологам и археологам.

28–29 мая 1940 г. Комиссия по этногенезу провела конференцию по изучению этногенеза народов Сибири и проблемы заселе-

ния Америки — «Совещание по этногенезу народов Севера». Его председателем избрали заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ Сергея Павловича Толстова (1907–1976). На конференции были представлены доклады практически всех советских ученых, кто хотя бы в какой-то мере занимался этногенезом народов Сибири и Америки: археологов А.М. Золотарева, А.П. Окладникова, Валерия Николаевича Чернецова (1905–1970); антропологов Г.Ф. Дебеца, М.С. Плисецкого, Николая Николаевича Чебоксарова (1907–1980), Татьяны Алексеевны Трофимовой (1905–1986) — супруги С.П. Толстова; этнографа Сергея Александровича Токарева (1899–1985) и др. Всего присутствовало около сорока человек. От МАЭ/ИЭ участие в конференции приняли академик В.В. Струве и заведующий отделом Сибири Г.Н. Прокофьев, который «наметил проблему связи самодийских и эскимосских племен» [Обзор 1941: 131]. Также был представлен стендовый доклад А.В. Мачинского «Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове», который в то время проходил службу в армии. Он проанализировал результаты исследований американских археологов и сделал описание двух небольших археологических коллекций по азиатским эскимосам из собрания ГМЭ. А.В. Мачинский пришел к выводу, что «материалы, собранные во время последних археологических исследований на Аляске и островах Берингова пролива, дают нам полное право возражать против построений Боаса, Стинсби и Биркет-Смита о том, что Аляска в древности была заселена эскимосами из центральных районов Канады» [Мачинский 1941: 80].

А.М. Золотарев выступил с докладом, подготовленным на основе своей публикации «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии». В частности, он писал: «Археологические раскопки, производившиеся на Аляске и островах Берингова пролива на протяжении последних десяти лет различными американскими институтами, принесли необыкновенно плодотворные результаты. Собраны обильные материалы, позволившие заглянуть в далекое прошлое Аляски и северо-востока Азии и открывшие перед наукой новые, чрезвычайно заманчивые горизонты. Проблема происхождения американского человека и заселения американского континента, представлявшая до сих пор область отвлеченных гипотез и спекуляций, переводится новыми исследованиями на твердую почву фактов» [Золотарев 1938: 73].

В примечаниях к этой статье А.М. Золотарев продолжил развивать идею о сходных элементах в культуре чукчей, эскимосов и народов района Амура: «Береговые чукчи также верили в хозяйку моря, которой они приносили регулярно жертвы. Они представляют ее в виде могущественной женщины, живущей на дне моря, и называют ее “мать моржей”. <...> Древнейшими чертами этого мифологического комплекса являются: 1) вера в хозяйку, мать моря, живущую на дне моря в юрте, 2) владеющую всеми морскими зверями и рыбою, которые содержатся у нее в юрте и время от времени выпускаются ею в море, 3) в жертву ей приносят собак. Последний момент, очевидно, связан с частью комплекса, присущего целому ряду народов побережья Тихого океана, в том числе эскимосам, айнам, малайцам. Мужем морской богини эти народы считают собаку, которую и отправляют к ней во время жертвоприношений коряки, гиляки, чукчи. Такие же представления существуют у ульчей. Таким образом, комплекс “морской богини” прослеживается, хотя и в менее развитой, чем у эскимосов, форме вплоть до Амура» [Там же: 87].

Археолог В.Н. Чернецов, говоря о древнем населении верхний Оби и полуострова Ямала, отметил: «Для западно-приморско-арктической культуры, как и для восточной (эскимосской. — С.К.), были характерны: развитой морской зверобойный промысел (особенно моржа); оседлые поселения в землянках, <...> употребление кожаного каяка типа эскимосского; применение в охоте на морского зверя костяного гарпуна» [Чернецов 1941: 22]. Эта гипотеза о культурных связях предков ненцев и эскимосов, позднее многократно опровергнутая, оказалась настолько привлекательной, что американские археологи принимали участие в экспедициях на Ямал даже в 90-е годы. Во время обсуждения докладов особенно активно выступали археологи А.М. Золотарев и А.П. Окладников. При обсуждении их докладов С.А. Токарев указал, «что доклад Окладникова не поколебал схемы Биркет-Смита и Золотарева, ибо он не в состоянии показать возникновение оленеводства из рыболовецкой культуры и объяснить, почему якобы бродячие охотники — серовцы и исаковцы — имели обильную керамику» [Обзор прений 1941: 129]. В дальнейшем А.П. Окладников не изменил свою точку зрения на этногенез народов Сибири и в 1958 г. передал в НМД артефакты исаковского, серовского, китойского и глазковского эта-

пов из археологических памятников района Прибайкалья [Левин, Окладников 1959: 149].

Поводя итоги конференции, С.П. Толстов отметил: «Доклад А.М. Золотарева показал связь эскимосской культуры Америки с древними культурами арктических охотников азиатского побережья Ледовитого океана и дал убедительную картину формирования чукотского и корякского народов на фоне хозяйственного развития арктических приморских охотников, перешедших под влиянием оленеводческих народов тайги и тундры Северо-Восточной Сибири к оленеводству. Немалый интерес для этногенеза народов Америки представляет и упомянутый доклад тт. Трофимовой и Чебоксарова, выявивших среди антропологических типов манси тип, во многом близкий к американским индейцам. Нахождение этого типа на крайнем северо-западе Сибири является новым серьезным аргументом в пользу тесной исторической связи коренного населения Америки с народами Советского Союза» [Толстов 1941: 4].

По результатам совещания запланировали провести летом 1941 г. Северо-восточную экспедицию для комплексного изучения азиатских эскимосов. На конференции присутствовало несколько достойных кандидатов, которые могли возглавить полевые исследования на Чукотке: Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников, А.М. Золотарев. Однако С.П. Толстов, используя положение председателя конференции, выдвинул кандидатуру своего бывшего коллеги по Музею народов СССР — антрополога Максима Григорьевича Левина (1904–1963), которого и утвердили руководителем будущей экспедиции. В свою очередь М.Г. Левин включил в состав Северо-восточной экспедиции художника и искусствоведа Игоря Петровича Лаврова (1906–2002), находившегося в то время на Чукотке: в 1939–1940 гг. он преподавал в школе-интернате Чукотской культбазы Комитета народов Севера.

Экспедиции по изучению этногенеза эскимосов (1945–1947)

После окончания войны экспедиционные исследования по изучению этногенеза эскимосов провели не сотрудники отдела Америки (формально такого отдела после 1942 г. в МАЭ не было), а антропологи ИЭ и археологи ИИМК. В 1943 г. Комиссия по этно-

генезу вошла в состав московского филиала ИЭ под названием «Группа этногенеза». А.Д. Удальцов возглавлял этот коллектив до 1946 г. Соответственно с 1943 г. в Институте этнографии велась работа по организации Северо-восточной экспедиции, при этом о совместной экспедиции с ИИМК речь не шла. Задачи были разделены, каждый из институтов должен был провести самостоятельные исследования. Всего было организовано три экспедиции: антропологическая Северо-восточная экспедиция Г.Ф. Дебеца в 1945–1947 гг., археологическая экспедиция С.И. Руденко на Чукотку в 1945 г. и археологическая Колымская экспедиция А.П. Окладникова в район Колымы в 1946 г.

Руководителем Северо-восточной экспедиции, или Чукотской экспедиции, в 1943 г. назначили антрополога Г.Ф. Дебеца. «Чукотская экспедиция, — писал М.Г. Левин, — должна явиться продолжением Джезуповской экспедиции. <...> Центральной темой является проблема древнейших связей Северо-Восточной Азии и Северной Америки и первоначального заселения Американского континента. С февраля (с апреля. — С.К.) 1945 г. на Чукотке работает рекогносцировочный отряд в составе начальника экспедиции Г.Ф. Дебеца и научного сотрудника Института художественной промышленности И.П. Лаврова (И.П. Лавров входил в состав экспедиции С.И. Руденко. — С.К.). Г.Ф. Дебецем антропологически обследованы различные группы: оленные чукчи разных районов, береговые чукчи северного и восточного побережья, эскимосы ряда селений, в том числе и эскимосы о-ва Диомида» [Левин 1946а: 235].

Проработав на Чукотке две недели, Г.Ф. Дебец решил немедленно опубликовать некоторые положения своих исследований. Он отметил: «В мировой антропологической литературе основой для суждений о расовом типе чукчей является сжатая, но яркая характеристика их, данная известным исследователем этнографии и языка этого народа В.Г. Богоразом. <...> Полученные данные во многом резко расходятся с характеристикой Богоразом. <...> Теперь ясно, что существующие представления о расовых особенностях этого народа должны быть в корне изменены» [Дебец 1946: 63–64].

Антрополог Т.И. Алексеева вспоминала: «Как-то, будучи еще студенткой, я с восхищением и удивлением встретилась у нас в Институте антропологии МГУ с Г.Ф. Дебецем, только что воз-

вратившимся с Чукотки. “Герой — подумала я, — один на собаках объехал почти всю Чукотку, с циркулем!” [Алексеева 2004: 636].

* * *

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) происходил из дворянской семьи, получил хорошее образование и владел французским, немецким и английским языками. В 1921–1930 гг. С.И. Руденко возглавлял этнографический отдел Русского музея. 5 августа 1930 г. его арестовали по «Академическому делу» и 10 февраля 1931 г. приговорили к десяти годам заключения в концентрационном лагере. С.И. Руденко объявили «классовым врагом» и проводником «буржуазных идей» в этнографии, антропологии и археологии. В 1930–1932 гг. в ряде научных учреждений Ленинграда прошла кампания по разоблачению «руденковщины». В заключении С.И. Руденко сначала работал на лесоповале, а затем инженером на строительстве Беломоро-Балтийского канала, который находился в административном подчинении ОГПУ. В 1934 г. его досрочно освободили, однако он продолжил работать на строительстве Беломоро-Балтийского канала, но вскоре был переведен на административную должность и вернулся в Ленинград. С.И. Руденко пытался устроиться по совместительству на работу в научное или учебное заведение, но бывшие коллеги старались не допустить его к научно-преподавательской деятельности. Н.И. Платонова писала: «Безусловно, в середине 1930-х годов, когда еще свежа была память о “руденковщине”, когда кругом с удвоенной силой продолжались аресты, неожиданное появление С.И., словно из другого мира, могло вызвать у многих лишь страх и растерянность. Из этого человека только что делали фетиша буржуазной науки, образец врага, с которым надо бороться. И вдруг он, как ни в чем не бывало, возникает из небытия!» [Платонова 2010: 188].

Осенью 1938 г. С.И. Руденко перешел из управления Беломоро-Балтийского канала в Государственный гидрологический институт. После начала войны, чтобы в дальнейшем иметь возможность вернуться в археологию, он отказался эвакуироваться из Ленинграда вместе с сотрудниками Гидрологического института. 16 февраля 1942 г. С.И. Руденко удалось устроиться на работу в ИИМК, где ему утвердили плановую тему научной работы — изучение проблемы этногенеза эскимосов. В письме от 8 апреля

1942 г. Е.Э. Бломквист писала: «...Все дела по американской годовщине поручены в ИИМК Сергею Ивановичу, его работа по чукотско-коряцко-эскимосской скульптуре вплотную примыкает к вопросу о взаимодействиях обоих материков» [...твои письма 2013: 63]. Одновременно С.И. Руденко стал сотрудничать с МАЭ и в связи с гибелью всех антропологов музея принял участие в сохранении его антропологических и археологических коллекций [Станюкович 1978: 220]. В штат МАЭ на полставки по совместительству на должность заведующего отделом антропологии его зачислили 5 июня 1942 г. [Решетов 1998: 17]. В августе 1942 г. С.И. Руденко с оставшимися в живых сотрудниками ИИМК эвакуировали в Елабугу [Кирюшин, Тишкин, Шмидт 2004: 18].

В эвакуации он продолжил работать над изучением древних азиатско-американских связей и написал статью «Этническое взаимодействие на северо-востоке Азии и в Северной Америке в связи с вопросом о заселении последней» [...твои письма 2013: 167]. Эта статья не была опубликована. В январе 1944 г. С.И. Руденко завершил работу над следующей статьей — «Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов», которая через несколько лет вышла в сборнике «Труды Института этнографии» [Руденко 1947а]. Он писал: «...На островах Берингова пролива, в частности на острове Св. Лаврентия, древнеберингоморский и бирниркийский типы наконечников гарпунов оказались самыми древними. Отсюда, естественно, взоры американских исследователей древних эскимосских культур обращены на запад, к крайнему северо-востоку Азии, где можно рассчитывать найти эскимосскую культуру на стадии, предшествовавшей древней берингоморской. Тот небольшой материал по археологии азиатских эскимосов, которым мы располагаем, подкрепляет эти надежды» [Там же: 255]. Несмотря на обтекаемость формулировок, главная идея статьи состояла в том, что археологические культуры Сибири и Северной Америки, в инвентаре которых были найдены наконечники поворотных гарпунов, принадлежали предкам эскимосов, так как поворотные наконечники являлись маркерами эскимосских культур.

В 1945 г. в течение одного полевого сезона С.И. Руденко провел археологические разведки и раскопки нескольких десятков древнеэскимосских памятников. Об организации этой экспедиции А.М. Решетов писал: «Летом 1945 г. С.И. Руденко по командировке Арктического института провел археологические исследе-

дования в совершенно новом для него районе — на Чукотском полуострове. Трудно сказать, почему выбор пал именно на него — ведь в том году ему исполнилось 60 лет. Очевидно, учитывался его опыт работы на Севере. <...> И, конечно, вне всякого сомнения, — высочайшая квалификация. Ведь речь шла о выполнении важного правительственного задания. <...> На проведение этих работ была дана санкция на самом высоком уровне. Говорили, что эта идея была поддержана И.В. Сталиным» [Решетов 1998: 18].

К месту назначения в поселок Провидения / бухту Провидения (по-эскимосски Урелики / Урэлик) С.И. Руденко и искусствовед И.П. Лавров добирались через Владивосток и Петропавловск-Камчатский. Неизвестно, сколько времени у них заняла дорога от Москвы до Чукотки, но обычно такой путь занимал больше месяца. Первым местом раскопок был район эскимосского поселка Сиреники/Сирэник. Здесь для проведения земляных работ С.И. Руденко привлек местных эскимосов. В окрестностях Сиреники было обнаружено три древних стойбища, для их раскопок требовалось много времени, поэтому С.И. Руденко поручил И.П. Лаврову провести самостоятельную разведку вдоль побережья в западном направлении. Он провел археологические разведки в окрестностях поселков Нунлигран и Энмылен. Находки из района Нунлигран вошли в коллекцию № 4937 из 60 предметов и в коллекцию № 4938 из 68 предметов. В районе Энмылена И.П. Лавров обнаружил 176 предметов, которые вошли в коллекцию № 4936: «Коллекция из Энмылена, включая и приобретенные там предметы, неоднородна. Оттуда имеются вещи безусловно очень ранние, древней берингоморской стадии эскимосской культуры, притом периода расцвета, и более поздних ее этапов, предметы раннего и классического пунука, наконец, вещи позднего протоисторического времени» [Руденко 1947: 63].

Раскопки в Сиреники продолжались в течение нескольких недель. Находки вошли в коллекцию № 4935 из 133 предметов и в коллекцию № 4934 из 1056 предметов и 1171 единицы хранения. Такое большое количество находок объясняется тем, что в состав отряда С.И. Руденко входили местные эскимосы, которые хорошо знали места поселений своих предков: «Раскопки в Сирэник показали, что там эскимосы жили начиная с древнеберингоморской стадии их культуры и, вероятно, почти без перерыва до настоящего времени» [Там же: 55]. По общему количеству находок

было ясно, что экспедиция состоялась. Однако перед С.И. Руденко стояла задача — провести раскопки в разных районах Чукотки и найти памятники нескольких стадий развития эскимосской культуры.

В поселке Провидения С.И. Руденко зафрахтовал вельбот для организации исследований на побережье Чукотки. Он писал: «Отправляясь вместе с И.П. Лавровым из бухты Провидения в далекий путь вдоль побережья Берингова моря на зафрахтованном вельботе, я был смущен отсутствием какого бы то ни было дорожного продовольствия у команды вельбота — эскимосов из Сирэник. Наша поездка была организована при содействии М.Г. Аристова, проживающего среди эскимосов около двадцати лет и пользующегося всеобщим уважением. На мой вопрос, как команда будет питаться, он меня успокоил, сказав, что везде, в каком бы поселке мы ни остановились, команда будет обеспечена всем необходимым, а вне поселков, сказал он, нам уже придется делиться с ними нашими продуктами, чтобы не получить самую дурную славу “в одиночку едящих”» [Там же: 104].

В своей монографии С.И. Руденко перечисляет районы раскопок не по маршруту экспедиции, а по расположению поселков с севера (от Уэлена) на юг (до Сиреники). Такой принцип подачи материала объясняется тем, что в Уэлене С.И. Руденко обнаружил находки, которые он считал самыми древними. Эти предметы он отнес к «уэлено-оквикской стадии» эскимосской культуры. Точно определить, какие районы он посетил во время плавания к Уэлену, а какие — при возвращении в поселок Провидения, не удастся. Поэтому, как и С.И. Руденко, укажем районы его раскопок в направлении с севера на юг вдоль побережья Чукотки.

С.И. Руденко отметил, что еще до прибытия в Уэлен он знал, что местные чукчи в течение нескольких лет раскапывали место древнего эскимосского селения: «Там они добывают старые (долго пролежавшие в земле) моржовые клыки, дорого ценимые в Америке, и сбывают их туда через посещающих наше побережье Чукотского полуострова американских эскимосов. И действительно, по прибытии в Уэлен, помимо развалин старинных полуземлянок <...> мы обнаружили также и место древнего поселения» [Там же: 15]. Находки, сделанные в районе Уэлена, вошли в две коллекции: № 4939 из 184 предметов и № 4940 из 170 предметов. Часть этих вещей С.И. Руденко получил в дар от директора косторезной

мастерской Вячеслава Михайловича Леонтьева — отца будущего этнографа и лингвиста В.В. Леонтьева, которому тогда было 17 лет [Яншина, Понкратова 2010: 196]. С.И. Руденко отнес поселение в Уэлене к древней уэлено-оквикской стадии эскимосской культуры: «Весь комплекс вещей, найденных на древнем уэленском стойбище, настолько своеобразен, что отчетливо выделяется среди всех до сих пор известных нам древних памятников эскимосской культуры» [Руденко 1947: 23]. Таким образом, в Сиреники С.И. Руденко обнаружил самый массовый, а в Уэлене — самый древний материал.

По пути следования из Уэлена в эскимосский поселок Наукан С.И. Руденко провел разведку в районе мыса Дежнева. Все находки из этого места, а также предметы с острова Ратманова (всего десять единиц хранения) вошли в коллекцию № 4948. В своей монографии С.И. Руденко не упоминает о Ратманова как место, где производились раскопки, однако при сравнении ножей с лезвием из сланца он написал: «Один из таких ножей из наших раскопок на острове Ратманова дан на табл. 37, рис. 11» [Там же: 65]. Поэтому можно сделать вывод, что археологическая разведка на о. Ратманова все же проводилась.

Об исследованиях в Наукане С.И. Руденко сообщает: «При ремонте школы в Наукане в центре поселка была сделана значительных размеров выемка земли, давшая разрез культурного слоя мощностью около 1 м. Расчистка небольшой площадки этого культурного слоя дала некоторое количество костей моржа, нерпы и лахтака, а также различные предметы, позволяющие определить характер культуры и время прежних обитателей Наукана» [Там же: 30]. Всего в Наукане было приобретено 116 предметов, которые вошли в коллекцию № 4944. Следующим пунктом стоянки вельбота был чукотский поселок Яндыгай: «По условиям транспорта здесь не представлялось возможности задержаться на сколько-нибудь продолжительное время. Пришлось поэтому ограничиться небольшой расчисткой в двух пунктах обнажения культурного слоя» [Там же: 33]. Здесь был обнаружен 21 предмет (коллекция № 4949).

На необитаемом острове Аракамчечен разведки были проведены в трех местах. О типе жилищ одного из древних поселений С.И. Руденко писал: «Квадратная форма больших размеров жилища с коридорным входом, для постройки которого использованы

кости кита, типы наконечников гарпунов, наличие шлифованных сланцевых орудий и отсутствие оббитых каменных; вообще весь комплекс вещей, найденных в отвале этого жилища, указывает на позднее пунукское время его обитания» [Там же: 35]. Находки с острова Аракамчечен вошли в коллекцию № 4946 из 36 предметов и в коллекцию № 4947 из 17 предметов и 27 единиц хранения. Здесь у участников экспедиции закончились запасы продовольствия [Там же: 104]. Это свидетельствует о том, что исследования на острове Аракамчечен проводились при возвращении из Уэлена.

Значительное количество находок было сделано в районе эскимосского поселка Чаплино (Унгазик) и вблизи него, на одноименном мысе. Находки из этого района вошли в коллекции № 4943 из 43 предметов и № 4941 из 216 предметов и 281 единицы хранения. С.И. Руденко писал: «Рассматривая весь комплекс предметов из раскопок у мыса Чаплино, нетрудно убедиться, что все они относятся к одному и тому же и притом не очень длительному периоду времени. <...> Все говорит о том, что мы имеем дело с культурой поздней, пунукского времени, притом пунука позднего. Наши попытки найти на мысе Чаплино остатки поселений более ранних не увенчались успехом. Последнее нас очень озадачило, так как эскимосы острова св. Лаврентия, где ранние этапы пунукской поры и древней берингоморской богато представлены, родом с мыса Чаплино и древние связи указанного острова с мысом, ближайшим к нему пунктом на азиатском материке, несомненны» [Там же: 39]. Видимо, С.И. Руденко не знал, что в XIX в. значительная часть населения острова Святого Лаврентия погибла от голода и эпидемий, и только после этого на остров переселились эскимосы с азиатского берега. Несмотря на то что С.И. Руденко не упоминает о раскопках могильников, в его антропологической коллекции № 4753 зарегистрировано 178 номеров и 237 единиц хранения. В это число входят 76 мужских и 38 женских черепов, найденных в окрестностях поселка Чаплино. Крайнологические материалы этой коллекции ввел в научный оборот антрополог Г.Ф. Дебец еще в 1951 г. [Дебец 1951: 249]. Вероятно, в Чаплино раскопки проводились дважды: как во время плавания к Уэлену, так и во время обратного путешествия.

Также раскопки и разведки проводились в районе селения Кивак, где было обнаружено 63 предмета, которые составили 75 единиц хранения (коллекция № 4945); на мысе Чукотском (кол-

лекция № 4950 из 8 предметов); в районе покинутого селения Авань было найдено 94 предмета (коллекция № 4942). В бухте Пlover С.И. Руденко нашел остатки нескольких жилищ и ям для хранения мяса: «Памятуя опубликованный Коллинзом из бухты Пlover наконечник гарпуна, несомненно древнеберингоморского времени, я с особым вниманием занимался исследованием остатков эскимосских жилищ в этой бухточке. Однако мои надежды найти здесь следы древнего эскимосского поселения не оправдались» [Руденко 1947: 43]. Всего в районе бухты Пlover было найдено 18 предметов, которые составили 28 единиц хранения (коллекция № 4951).

После завершения полевого сезона С.И. Руденко вернулся в поселок Провидения, где ожидал прибытия парохода для переезда во Владивосток. Здесь он провел этнографические исследования, его особый интерес вызвала татуировка азиатских эскимосов: «В Урэлик я встретил эскимосов из всех южных поселков, и в короткий срок удалось сделать немало зарисовок. <...> Азиатские эскимосы в настоящее время не татуируются, но лет десять-пятнадцать назад обычай этот был общераспространенным. Татуировались девушки с наступлением половой зрелости, до замужества. Наносимые узоры служили общепризнанным украшением. Впрочем, неузорная татуировка, татуировка простыми линиями наносилась, да и теперь еще наносится, на заболевшие члены с медицинской целью, как женщинами, так и мужчинами. С этой же целью на лбу над бровями наносились схематические изображения человечков при нервных заболеваниях» [Руденко 1949: 149]. С.И. Руденко не только опубликовал рисунки татуировок азиатских эскимосок, но и назвал их имена: Интивнаук, 50 лет, Аймик, 30 лет, Пануна, 58 лет, Тагана, 45 лет, Тауку, 35 лет и др. из поселка Чаплино. Также приведены имена эскимосок из селений Урелики, Сиреники и Авань [Там же: 150–152].

Подводя итоги экспедиции, С.И. Руденко отметил: «Нам удалось обнаружить <...> наличие всех стадий развития культуры, именуемой эскимосской. Стадий, установленных исследованиями американских и датских ученых на островах севера Берингова моря, а также на арктическом побережье Аляски» [Руденко 1947: 107]. Все материалы раскопок С.И. Руденко передал в МАЭ и составил для них коллекционные описи. Свое археологическое собрание он разделили на 18 коллекций, которым присвоили му-

зейные номера с 4934 по 4951. Также С.И. Руденко подготовил временную выставку «Распространение древних культур на крайнем севере Америки», которую открыли в МАЭ в 1947 г. Выставка состояла из вводной части, манекена чукотского воина и витрин с археологическими находками: «Уэлено-оквикская стадия», «Древнеберингоморская стадия», «Пунукская стадия», «Стадия, близкая к современности». Эта выставка экспонировалась в течение пяти лет, до начала 1952 г. Открытие выставки подтверждает преемственность в работе сотрудников музея: над проектом аналогичной выставки в 1935–1936 гг. работал В.Г. Богораз, а затем А.С. Форштейн.

О.В. Яншина и И.Ю. Понкратова сделали обзор археологического собрания С.И. Руденко. Они отметили, что в некоторых коллекциях отсутствуют предметы, рисунки которых приведены в его монографии. В частности, подчеркнули, что отсутствует антропологический материал [Яншина, Понкратова 2010: 193]. Как упоминалось, все антропологические находки С.И. Руденко были объединены в коллекцию № 4753. Что касается других недостающих предметов, то в 1948 г. 104 предмета из сборов С.И. Руденко передали из МАЭ на постоянное хранение в Музей Арктики и Антарктики. Согласно музейному Акту № 4 на выдачу коллекционных предметов в постоянное пользование от 15 марта 1948 г. были переданы: 18 предметов уэлено-оквикской стадии, 24 предмета древнеберингоморской стадии и 62 предмета пунукской стадии. Среди них были: изображение человеческой головы из моржовой кости № 7-33, орнаментированный наконечник гарпуна № 7-125, обломок керамики с сетчатым орнаментом № 1-873, фрагмент глиняного сосуда № 6-12, амулет из моржовой кости с китовым усом № 1-962, ручка от бубна № 8-162, ложка костяная № 8-116, костяная пластина от панциря № 8-157. Если предположить, что первая цифра в этих временных номерах означает место раскопа, то предмет № 1-962 был найден в районе Сиреники, а предмет № 7-125 — в районе Уэлена. Таким образом, первые раскопки были начаты в Сиреники, а Уэлен был седьмым из восемнадцати районов раскопок.

По результатам экспедиции С.И. Руденко опубликовал монографию «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема», которая до сегодняшнего дня не утратила научного значения. Кроме текста, в этой книге представлены 38 таблиц

с рисунками нескольких сотен артефактов, эти рисунки также были сделаны С.И. Руденко. Весь объем материала (тексты и рисунки) он подготовил к публикации за полтора года, уже 5 мая 1947 г. рукопись книги была сдана для набора в типографию. Опубликовать монографию по результатам археологических разведок и раскопок, проведенных в течение всего одного полевого сезона, — экстраординарное событие не только для 1940-х годов, но и для нашего времени. При знакомстве с книгой С.И. Руденко складывается впечатление, что его экспедиция была проведена как продолжение исследований американских археологов Ф.Г. Рейни и О.В. Гейста на островах Пунук и Св. Лаврентия и Г. Коллинза в районе Берингова пролива. С.И. Руденко не было известно о коллекциях Ф.Г. Рейни, поступивших в 1939 г. в Музей антропологии при МГУ. Это косвенно свидетельствует о том, что сотрудники ИИМК состояли в переписке только с датскими учеными. С другой стороны, датские и американские исследователи находились в постоянных контактах друг с другом и участвовали в совместных экспедициях [Larsen, Rainey 1948].

После публикации монографии С.И. Руденко на нее стали появляться ссылки в работах американских и датских археологов [Birket-Smith 1953: 185], в 1961 г. ее перевели на английский язык [Rudenko 1961]. Однако необходимо упомянуть и о том, что на книгу С.И. Руденко вышла критическая рецензия М.Г. Левина: «Многое здесь спорно. Это в значительной степени результат того, что автор послушно следует за схемами американских археологов (Коллинза, Дженнесса и др.) и не подвергает критике их положения, настоятельно нуждающиеся в пересмотре» [Левин 1949: 229]. М.Г. Левин назвал экспедицию С.И. Руденко лишь вехой в изучении археологии азиатских эскимосов и в целом охарактеризовал его монографию не как научное исследование, а как «полезное собрание материалов к истории народов Северо-Восточной Азии» [Там же: 230].

Иначе вклад С.И. Руденко в изучение этногенеза эскимосов оценивают современные исследователи народов Арктики. Известный востоковед, этнограф и археолог, член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов назвал С.И. Руденко пионером археологических исследований на Чукотке и отметил, что его монография стала «эпохальной для понимания проблем формирования и развития древнего населения этих областей» [Арутюнов 2003: 372].

* * *

В 1946 г. ИИМК и Институт Арктики ГУСПМ организовали вторую археологическую экспедицию для исследований на Чукотке — Колымскую экспедицию. Археологические раскопки проводились под руководством А.П. Окладникова в бассейне реки Колымы и на берегу Северного Ледовитого океана в районе Баранова мыса, где удалось обнаружить самое западное древнеэскимосское поселение. Результаты этой экспедиции были опубликованы только через 25 лет.

А.П. Окладников и Н.А. Береговая писали: «Экспедиция высадилась в одной из бухт на Большом Барановом мысе, где и были обнаружены древние жилища, открытые и первоначально исследованные прославленным русским мореплавателем XVIII в. Гавриилом Сарычевым. <...> Раскопки показали, что найденные Г. Сарычевым жилища принадлежали морским охотникам-зверобоям, культура которых резко отличалась от древней коряцкой. Уже в первом отчете о раскопках поэтому было написано, что культура обитателей поселков на Большом Барановом мысе принадлежала не корякам, а совершенно другой этнической группировке, совсем иному племени. Почти все находки на Барановом мысе поразительно сходны с такими же по типу и технике изделиями, найденными на Аляске и на Чукотском побережье вдоль Берингова пролива. По всем отличительным признакам это была чисто эскимосская культура. Тогда же было отмечено, что в находках из раскопанных в 1946 г. жилищ есть предметы, близко или прямо аналогичные найденным в памятниках типа бирнирк и туле, а также в памятниках древнеберингоморской стадии. <...>

По мнению авторов, можно считать вполне обоснованным вывод о том, что принадлежали они одной из групп древних эскимосов (самой западной), которая в преданиях аборигенного населения, записанных в начале XIX в., носит имя шелагов» [Окладников, Береговая 1971: 3–4].

* * *

При организации экспедиций Г.Ф. Дебеца, С.И. Руденко, А.П. Окладникова предполагалось, что полевые исследования на Чукотке дадут ключ к пониманию проблемы этногенеза эскимосов и таким образом завершат многолетние исследования датских и американских ученых. Желая внести личный вклад в изучение

этой проблемы, М.Г. Левин в нескольких статьях написал, что именно его в 1940 г. назначили руководителем Северо-восточной экспедиции. Эти претензии на ведущую роль в отечественной науке в области изучения этногенеза эскимосов противоречат его собственным словам: «Наука все более превращается в респектабельное занятие хорошо обеспеченных людей. <...> Но уж нехватки тем в науке не будет никогда, и сколько бы в любой ее отрасли ни работало людей, интересных и важных тем всегда будет больше, чем исследователей» (цит. по: [Алексеева, Арутюнов 2004: 353]).